Гектор Шульц

Белое перо

16+

Гектор Шульц
Белое перо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67750476
SelfPub; 2022

Аннотация

Перед вами книга-диалог. Диалог двух не похожих друг на друга существ. Диалог демона, который привык наказывать, и человека, который привык прощать.

Содержание

Copyright 4
Пролог 6
Глава первая 14
Глава вторая 33
Глава третья 54
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Гектор Шульц
Белое перо

Моей дражайшей супруге.

Copyright

© Гектор Шульц, 2018.

Все права защищены законом.

Автор не дает разрешение на воспроизведение и копирование этой книги в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования и сохранения информации) для целей, связанных с извлечением прибыли.

В случае цитирования отдельных фрагментов или всего текста обязательно указывается авторство и проставляются все необходимые обозначения.

Данная история написана с юмором и исключительно ради смеха. Описанные действия, персонажи и диалоги персонажей не ставят своей целью оскорбить кого-то или что-то, не призывают к повторению действий персонажей. Все действия и персонажи являют-

ся авторской вселенной (читай – выдумкой от начала и до конца).

Все совпадения случайны. Главная цель истории – найти добро в своей душе.

Пролог

Когда в темный и грязный переулок вошел странный мужчина в не менее странном наряде, два паренька переглянулись друг с другом и синхронно улыбнулись. Улыбнулись жесткими и злыми улыбками, после чего направились в сторону незнакомца, который рассеянно вертел головой, рассматривая обшарпанные и покрытые граффити фасады домов. Они, подойдя ближе, замерли, склонив головы, и внимательно осмотрели мужчину, почему-то не обращавшего на них внимания.

Незнакомец и впрямь был странным. Чего только стоил его наряд, больше походящий на старинные рельефные доспехи, выкрашенные черной матовой краской. Из-за плеча мужчины выглядывала рукоять меча, обтянутая черной кожей. Незнакомец слабо покачал головой, посмотрев на один из шедевров уличной живописи, изображавший женщину в неглиже с баклажаном в причинном месте, после чего перевел взгляд на подошедших к нему пареньков.

– Добрый вечер, – улыбнулся мужчина, сверкнув темными глазами. – Не подскажете, как мне попасть на вокзал?

– Ну, считай, что ты на него и попал, – хмыкнул один из парней – высокий и чуть сутулый. Он улыбнулся в ответ, из-за чего стало видно, что зубов у него явно недостает. Второй, чуть пониже и покрепче, лающе рассмеялся, оценив остроту

друга.

– Замечательно, – ответил мужчина. – В таком случае, я хотел бы приобрести билет до Пршибрама[1].

– Сейчас приобретешь. В один конец, – ответил ему второй и снова рассмеялся, заставив мужчину поморщиться.

– Какой же отвратительный смех, – сказал он, помассировав виски тонкими пальцами. – Будто помесь шакала и гиены. Но каждый человек уникален, правильно? Вот на уникальность и спишем.

– Не понял, – нахмурился первый. – Ты его, что, оскорбил сейчас?

– Нет. Озвучил собственное мнение. На него, насколько я знаю, не принято обижаться.

– Не, не принято, – сказал второй и достал из кармана небольшой нож, тускло блеснувший в слабом лунном свете. – Принято пузо вспарывать.

– О! Так вы грабители, – просиял мужчина, заставив хулиганов переглянуться. Он кивнул, словно подтверждая свои слова, а потом еще раз обвел переулок рассеянным взглядом. – Стоило бы сразу догадаться. Эта речь, она не меняется веками. Так было в Иудее, во Франции, глупо считать, что и в другом временном отрезке что-то поменялось.

– Ты чего несешь? – тихо спросил первый. Мужчина слабо улыбнулся, услышав в его голосе угрозу.

---

[1] Пршибрам – город в Среднечешском крае Чехии. Расположен у подножия нагорья Брды на речке Литавке, в 60 километрах от Праги.

– Рассуждаю. За неимением достойного собеседника, я вынужден рассуждать сам с собой.

– Кажется, сучий сын нас тут оскорбляет, Янек, – сплюнул второй и, оскалившись, наклонил голову. – Наверное, он из этих идиотов, что по лесам с железками носятся. Нажрался грибов и несет теперь херню.

– Да и плевать, – покачал головой Янек, тоже доставая из кармана складной нож. – Короче, дядя. Снимай свой костюм из консервных банок и вытаскивай бумажник. Не знаю, где он у тебя хранится, но мы не брезгливые.

– Я не ношу бумажник. Мне это ни к чему, – ответил мужчина.

– Все носят бумажники, но мы проверим, – буднично ответил первый. – Снимай металлолом и складывай его в кучу. Наверняка в ломбарде что-нибудь да дадут. А режик себе на стену повешу. Ха!

– Это не металлолом, а мой доспех, – поправил его незнакомец. – А режик, как вы его назвали, – мой огненный меч. Я бы с радостью дал его вам, чтобы посмотреть, как обуглятся ваши руки, а кости превратятся в труху, но это слишком легкое наказание для грешников.

– Эт мы-то грешники? – хохотнул второй. Янек тоже ехидно усмехнулся, а потом вздохнул, когда не увидел на лице мужчины намека на шутку.

– Ну, грешники, и что? Жизнь такая, дядя. Последний раз повторяю. Снимай железки и чеши отсюда, пока в бочину не

пырнули.

– Пожалуй, откажусь, – усмехнулся мужчина и сделал шаг вперед так, чтобы кончик ножа хулигана уткнулся ему в грудь с глухим стуком. Он строго посмотрел на Янека, а тот сглотнут тягучую слюну, когда увидел глаза незнакомца. Они были не черными, а темно-красными и с каждым последующим словом разгорались все сильнее. Янек вдруг понял, что не может пошевелить ни одним мускулом, и его бросило в пот. Липкий и холодный. Мужчина увидел это и улыбнулся.

– Как ты это сделал? – потрясенно спросил хулиган, тщетно пытаясь дернуть рукой.

– Я вижу тьму в ваших душах, – ответил незнакомец, и в его глазах забегали веселые искорки зарождающегося пожара. – Тьму, которая почти пожрала их, подобно голодной твари. В ваших душах нет света. Есть только страх. Страх перед наказанием. Вы гадали, каким же оно будет – ваше наказание. Так посмотрите ему в глаза…

Янек застонал, когда в голове возникло чудовищное давление, от которого перед глазами пошли красные круги. Он тщетно пытался дернуться, но давление лишь росло, громко пульсируя где-то внутри, как и голос незнакомца. На секунду Янек даже пожалел, что встал у него на пути, а потом мысли испарились, как от прикосновения к мокрой тряпке горячего утюга. И на замену им пришли образы. Давние образы, которые Янек так отчаянно пытался скрыть

от самого себя.

– Зачем ты это сделал, сынок?

– Моя жизнь стоила ста крон?

– Почему ты забрал маму? Почему не остановился, когда она просила?

Янек взвыл, когда увидел перед собой лица. Лица тех, кого он тщетно хотел забыть. Лица тех, чьей кровью он напоил дешевый нож. Бледная старушка с заплаканными глазами. Янек помнил её. Помнил, как выхватил у неё сумку, но старая гарпия крепко держала потертую кожаную ручку, и ему пришлось отмахнуться ножом. Она была первой. Янек долго блевал в том переулке, прикасаясь влажной рукой к шероховатой штукатурке дома и смотря на старушку.

Мужчина в помятом костюме, серой рубашке и красным пятном на левой стороне груди. Янеку нужны были деньги, но в карманах клерка нашлась лишь смятая банкнота в сто крон. Он взвизгнул, когда нож Янека пробил ему грудь, и хрипел, смотря на убийцу, когда жизнь покидала тело.

Девочка в сиреневом платьице и молчаливая мать рядом с ней, смотрящая на Янека с осуждением и болью. Он влез в богатый дом, думая, что там никого нет. Но нашел мать и ребенка. Янек остановился лишь тогда, когда крик девочки чуть не разорвал ему перепонки, а потом утонул в звенящей тишине пустого и безжизненного дома, из которого днем ранее вывезли все вещи. Наградой стал кошелек с двумя тысячами крон. По тысяче за отнятую жизнь.

– Зачем ты это сделал, сынок?

– Я… я не хотел, – пролепетал Янек синими губами. На лбу хулигана застыли дрожащие капли холодного пота, а страх медленно сжал его сердце, когда старушка взяла его за руку. Он вздрогнул, потому что её рука была подобна льду. Холодная и липкая.

– Хотел, – сказал мужчина в помятом костюме, положив свою руку ему на плечо. – Сто крон, которые ты потом выбросил в мусорное ведро, потому что они были испачканы в моей крови.

– Мне нужны были деньги.

– А получил мою жизнь.

– Почему ты забрал маму? – спросила девочка, а молчаливая мать прикоснулась к щеке Янека рукой, заставив хулигана застонать. – Почему не остановился?

– Ты обезумел, – глухо сказала мать. – Ты хотел лишь одного.

– Я хотел, чтобы она заткнулась, – прошептал Янек, с ужасом смотря в бледные глаза матери, а потом отпрянул, когда в них зажегся знакомый ему темно-красный огонек.

– Ты пытался забыть нас, но мы всегда были рядом, – сказала старушка.

– Кто вы? Оставьте меня! – закричал хулиган и снова взвыл от боли, сдавившей ему сердце.

– Теперь ты наш, – улыбнулась девочка. Янек покачал головой, но в ответ получил лишь торжествующую улыб-

ку. – Ты забрал наши души.

– Теперь и мы заберем твою душу, – сказала её мать, напрягая руку и разрывая кожу на щеке Янека. – Теперь она в Аду. Твоем личном Аду, Янек.

– Навеки, – закончил мужчина, сдавливая плечо хулигана и заглядывая ему в глаза. Янек снова закричал, когда внутри сломалась кость, но боль была тупой. Куда страшнее был ужас, разгорающийся все сильнее в глазах тех, кого он тщетно пытался забыть.

– Ничего не меняется, – улыбнулся мужчина, сделав шаг назад и с весельем посмотрев на два скрюченных тела, которые стонали и сучили ногами, лежа в зловонных лужах.

Незнакомец перевел взгляд на билборд, с которого на него смотрел красивый мужчина в черном пальто, черных брюках и классических черных туфлях, и, щелкнув пальцами, удовлетворенно кивнул, когда странный доспех изменил свою форму на одежду с рекламного щита.

– Ничего не меняется, – повторил незнакомец, брезгливо смотря на хулиганов, уставившихся в небо стеклянными глазами. – Сначала в них говорит дерзость, потом они ищут оправдание своим грехам, и в конечном итоге в глазах застывает ужас. Ужас, а не раскаяние. Если так пойдет и дальше, то моя миссия завершится гораздо раньше.

Мужчина поднял голову к небу, ехидно улыбнулся и, достав из кармана пальто серебристый портсигар, закурил сига-

рету. Затем, выдохнув дым, погрозил пальцем далеким звездам и, перешагнув тела хулиганов, направился к выходу из переулка.

Глава первая

«The shine behind,
The frozen stream,
Reminds me of your eyes.
The spark of hope,
Still in my heart,
Shall dreams become true under the ice?»

Eternal Tears Of Sorrow – The river flows frozen

– Добрый день. Один билет до Пршибрама, пожалуйста.

Девушка, сидящая за стойкой, подняла глаза на подошедшего мужчину и, облизнув пересохшие губы, смущенно ему улыбнулась. Мужчина был на редкость красивым, словно только что сошел со страниц модного журнала, лежащего рядом с компьютером девушки. Он был высоким, с черными волосами, зачесанными назад, тонким носом с небольшой горбинкой, живыми улыбающимися губами и странными глазами. Настолько черными, что зрачков не было видно. Мужчина слабо постучал музыкальными пальцами по столешнице, возвращая девушку из мира грез, и еще раз улыбнулся. Даже его улыбка была идеальной, как у кинозвезды, и девушка вдруг поняла, что так сильно шумит в ушах. Стук её собственного сердца.

– Добрый день. Паспорт, пожалуйста, – выдохнула она, не в силах оторвать взгляд от незнакомца. Тот понимающе кивнул и, запустив руку во внутренний карман пальто, вытащил из него паспорт в черной кожаной обложке. Девушка раскрыла документ и слабо улыбнулась. – Господин Элигос, верно?

– Да, – кивнул мужчина. – Элигос Эрртруар[2].

– Элигос? Это литовское имя? – спросила она, рассеянно листая паспорт.

– Нет, арамейское[3], – притворно вздохнув, ответил он, вызвав у девушки кокетливый смешок. – Это важно?

– Нет, нет. Просто любопытство, простите, – покраснела девушка. – Билет в одну сторону?

– Будьте так любезны, – улыбнулся мужчина и, раскрыв помятый журнал железнодорожной компании, нахмурился. – Так… Купе, пожалуйста.

– Вам повезло. Как раз осталось одно место.

– Что еще сказать, я везучий, – усмехнулся незнакомец и достал из кармана пухлый бумажник, из которого извлек несколько банкнот. – Этого хватит?

---

[2] Элигос Эрртруар – пятнадцатый дух трактата «Lemegeton». Одно из имен – Эрртруар – используется Элигосом в качестве фамилии. Согласно гримуару «Малый ключ царя Соломона», является верховным иерархом Ада. Появляется в образе прекрасного рыцаря на крылатой лошади, несущего копьё, знамя и змея. Стоит во главе 60 легионов.

[3] Арамейский язык выполнял роль «лингва-франка» во всём регионе Ближнего Востока, вытеснив из употребления аккадский язык в Ассирии и Вавилонии. По-арамейски общались послы и купцы в Израиле и Иудее.

– Вполне, – кивнула девушка и, отсчитав сдачу, протянула её мужчине вместе с билетом на поезд. Тот поднял бровь, заметив в сдаче белую карточку. – Это… мой телефон. Простите. Не знаю, что на меня нашло.

– Мало кто может сопротивляться демоническому очарованию, – улыбнулся мужчина и, забрав карточку, демонстративно положил её в нагрудный карман. – Не подскажете, куда мне дальше?

– Платформа «Тринадцать А». Счастливого пути, господин Эрртруар.

– Просто Элигос, – ответил он и, взяв билет, направился в сторону нужного выхода, оставив девушку с пылающими щеками и бешеным пульсом. Та тряхнула головой и, сжав губы, произнесла более строгим голосом:

– Следующий. Не задерживаем очередь.

Войдя в купе, Элигос улыбнулся сидящему там мужичку в помятом костюме. Тот нервно улыбнулся в ответ и сжал крепче дипломат, который держал в руках, но мужчина не обратил на этот жест должного внимания. Он занял место напротив мужичка и задумчиво посмотрел в окно, где по перрону резво шли люди, погрузившись в лишь им одним понятные мысли.

В купе слабо пахло дешевыми сигаретами, потом и пылью, которая кружилась в воздухе. Окно было в небольших разводах, остающихся после мокрой тряпки, а занавески, хоть и были чистыми, наверняка разменяли второй десяток лет и

видели не только чинных пассажиров, но и грязные руки детей, использовавших ткань как салфетки. Это подтверждали еле видимые пятна, как на самих занавесках, так и на сиденьях.

– Поезд отправится через несколько минут, – сообщила милая девушка в фирменной одежде железнодорожной компании, открыв дверь в купе.

– Прекрасно, – улыбнулся Элигос, когда понял, что сообщение адресовалось ему. Девушка покраснела и, помяв воротник блузки нервными пальцами, неловко улыбнулась в ответ.

– Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста. Черный, крепкий и без сахара, – ответил мужчина, с иронией посмотрев на своего соседа по купе, который поджал губы и внимательно следил за беседой.

– А мне чай, – буркнул он, но девушка не удостоила его даже взглядом. Она, еще раз улыбнувшись Элигосу, вышла из купе, прикрыв за собой дверь. Мужичок покачал головой и с неприкрытой едкостью посмотрел на мужчину, который вновь принялся смотреть в окно. – Признайтесь, вам нравится, что на вас так реагируют женщины?

– Нравится. Зачем мне лукавить? – ответил Элигос, поворачиваясь в сторону мужичка. Тот нервно усмехнулся и покрепче сжал в руках дипломат, когда поезд тронулся. – Как быстро мы достигнем Пршибрама?

– Примерно через три часа.

– Удивительно, до чего дошел прогресс, – промурлыкал мужчина. Голос у него был мягким и обволакивающим, как терпкое кофе. – Лошадей сменили комфортные дома на колесах, где милые дамы приносят чай и кофе, одаряют путников улыбкой и блеском своих красивых глаз. В Иудее[4] я бы потратил несколько суток на дорогу, трясясь на лошади и глотая бурую пыль, а здесь… три часа. Прекрасно.

– Иудея, лошади… – фыркнул мужичок. – Вы с какой планеты свалились?

– Я проигнорирую ваш вопрос и спишу его на невежество, – ответил Элигос, заставив мужичка испуганно вжать голову в плечи. Он указал рукой на окно, за которым проносились извилистые рельсы и столбы, покрытые причудливой паутиной проводов. – Понимаете ли, я впервые еду в этой повозке и хотел бы насладиться видом из окна.

– Понимаю. Привыкли летать на самолетах, где в бизнес классе вам приносят дорогой коньяк, а стюардессы так и ждут, когда вы похлопаете их снисходительно по упругой попке? – зло бросил мужичок. Элигос рассмеялся в ответ.

– Значит, мои слова прошли мимо ваших ушей, словно вместо серы в них пробки из зависти, – констатировал он. В этот момент в купе открылась дверь и знакомая Элигосу девушка, лучась как солнышко, протянула ему стакан с дымящимся кофе.

– Ваш кофе, – улыбнулась она и добавила: – Что-нибудь

---

[4] Иудея – обширная историческая область Земли Израиля к югу от Самарии.

еще?

– Нет. Вы и так слишком любезны, – ответил Элигос и, сделав глоток, сжал губы.

– Если что-то понадобится, я в своем купе, – сообщила она и вздрогнула, когда услышала резкий голос мужичка.

– А мой чай?

– Сейчас будет, – буркнула она и вышла, оставив его полыхающий взгляд без внимания.

– Милая девушка, – бросил Элигос, поставив стакан с кофе на столик. – Но кофе омерзительный.

– А ты привык к дорогим сортам, которые стоят месячный оклад простого человека? – гневно воскликнул мужичок, от волнения переходя на «ты», но сидящий напротив него мужчина по-прежнему являл собой кладезь обаяния и смирения.

– Ваш коктейль из ненависти и зависти ко мне, он… Он так прекрасен, – широко улыбнувшись, ответил ему Элигос. – Чистый, незамутненный, кипящий. Вы пытаетесь вылить его на меня, но проливаете больше на собственную душу, которая уже корчится от боли.

– Что ты несешь? – нахмурился мужичок, прижимая дипломат к груди.

– Вы ненавидите меня из-за зависти, – пояснил Элигос, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. – Смею заметить, что это один из смертных грехов. И если не покаетесь, то потеряете душу. Вы завидуете, что милая девушка улыбнулась мне, а не вам. Завидуете, что я могу позволить

себе пить настоящий кофе, вместо невнятной кислой жижи, плещущейся в этом стакане. Завидуете, что я пахну дорогим одеколоном, а вы воняете дешевыми сигаретами и потом. И ваша зависть прекрасна. Она бурлит внутри вас, обваривает душу до призрачных костей и раз за разом делает вам больно. Разве это не прекрасно?

– Я ненавижу таких, как ты, – прошипел мужичок, оскалившись желтыми зубами. – Чистых, ухоженных, красивых. Вам достается все – любовь красивых женщин, дорогие игрушки, шикарные дома. А что досталось мне? Ничего.

– Это ваш выбор, – мягко ответил Элигос, посмотрев в окно, за которым проносились маленькие домики из сказки и цветущие луга. – Вам дали выбор, как величайший дар, но вы вините других в своих бедах. Разве не поэтому вы едете в Пршибрам, сжимая в руках дипломат? Разумеется поэтому.

– Откуда ты знаешь? – посерел мужичок, и его голубые глаза расширились от ужаса. – Они тебя послали?

– Меня послали с другой целью, о которой вам знать необязательно, – улыбнулся мужчина, закуривая сигарету под завистливым взглядом попутчика. – Но ваша цель понятна и логична. Вы тоже хотите красивого существования, пусть и ценой чужой жизни, запертой в этом дипломате. Я вижу, что вы не раз задавали себе вопрос, а стоит ли ваша жизнь чужой жизни. Вижу и ответ.

– Стоит. Мне плевать на других, как им плевать на меня.

– Ответ, достойный той тьмы, которую вы называете сво-

ей душой, – рассмеялся Элигос, после чего нахмурил лоб и наклонился к мужичку. – Жалкий неудачник, пресмыкающийся всю жизнь, как ядовитый гад. Без друзей, без врагов, без сочувствия со стороны незнакомцев. Вор и лжец, пытающийся оправдать себя за то, что собрался сделать. Знаешь, как тебя будут называть после того, как ты продашь дипломат? Тебя будут называть убийцей. Ты сам будешь так себя называть, пока не задохнешься от собственной тьмы, поглотившей твою душу.

– Да кто ты такой? – прохрипел мужичок, с ужасом смотря в ярко-красные глаза Элигоса. Он видел в них все свои грехи. Даже такие, о которых позабыл, утопив их в дешевом алкоголе и сигаретах. Он видел, как искажается лицо попутчика, из красивой и вежливой маски превращаясь в маску гнева.

– Я есть Наказание, – ответил Элигос, после чего презрительно улыбнулся и указал рукой на дверь. – Но ты накажешь себя сам. Пошел вон, червь!

– Ты… ты… – затрясся мужичок, но страх был сильнее языка, и он, сорвавшись с места, вылетел в коридор, чуть не сбив девушку, держащую в руках стаканчик с горячим чаем.

– У вас все хорошо? – спросила она, проводив пассажира встревоженным взглядом.

– Более чем… Луиза, – улыбнулся Элигос, задержав взгляд на бейджике. – Небольшой сеанс психоанализа вылился в недержание телесных жидкостей. К слову о жидко-

сти. Могу я попросить вас о стакане воды? После сеанса немного горчит в горле.

Спустя час дверь в купе снова открылась, пропуская не только знакомую Элигосу Луизу, но и еще одного человека. Тоже девушку. Худенькую, светловолосую, с большими серыми глазами и чуть искривленным носом. Она, вздохнув, присела на соседнее сиденье, но расположилась ближе к выходу, откуда иногда бросала в сторону красивого мужчины настороженные взгляды.

Девушка была одета простенько, как и подобает молодежи. Светло-желтая футболка с карикатурной собачьей рожицей, синие джинсы, чуть вытертые и свободные, и черно-белые кеды с цветными шнурками.

– Прошу прощения, но во втором вагоне в одном из купе едет пьяная компания, – извинилась Луиза. – Градус определенно повысился, и они начали приставать к девочке. Вы не против, если она поедет с вами?

– Не против, – кивнул Элигос и, дождавшись, когда проводник покинет купе, указал рукой на стакан, стоящий на столике, и улыбнулся. – Не желаете воды? Вдыхание алкогольных паров всегда провоцирует сухость в горле.

– Нет, спасибо, – слабо покачала головой незнакомка, робко улыбнувшись шутке.

– Если захотите, то та милая девушка, что привела вас, организует такой же стакан воды и вам. Или вы больше чай предпочитаете? – спросил он.

– Кофе, – так же тихо ответила девушка.

– В таком случае здешний кофе я не советую. Он омерзительно кислый и нещадно дерет горло, – вздохнул Элигос. – Приходится пить воду и смотреть в окно на пригородную идиллию. Прошу простить мою излишнюю словоохотливость. Дело в том, что я совсем недавно провел удачный сеанс психоанализа, и сейчас мне необычайно хорошо на душе.

– Вы странный, – буркнула она.

– Иногда то, что кажется нам странным, на деле оказывается более нормальным, чем изначально кажущееся нормальным, – туманно сострил Элигос и повернулся к окну, но девушка, вздохнув, заняла место напротив него.

– Извините. Это нервы. Я не хотела грубить. Час с пьяными мужчинами кого угодно из себя выведет.

– Извинения принимаются, – слабо улыбнулся Элигос, делая глоток воды. – В любом случае, мы достигнем Пршибрама примерно через час, и вы меня больше не увидите.

– Вы тоже едете в Пршибрам?

– Конечно. Как и все пассажиры этого удивительного дома на колесах, – ответил мужчина.

– Почему-то я думала, что поезд идет дальше.

– Я изучил маршрут, и Пршибрам – конечная остановка. Кстати, прошу простить мою невежливость. Я не представился. Элигос.

– Элигос? – переспросила девушка и нахмурила тонкие

брови.

– Элигос Эрртруар, – подтвердил мужчина, улыбнувшись.

– Как демон? Абигор?

– Именно. Я и есть демон, а Абигор мое второе имя, – улыбнулся в который раз Элигос, но девушка равнодушно пожала плечами. – Вы мне не верите?

– Мы живем в свободной стране. Если вам нравится называть себя именем одного из верховных иерархов Ада, это ваше право.

– О, юная леди блестяще образованна, – удивленно протянул мужчина, смотря на девушку с большим интересом. – И откуда, позвольте спросить, такие знания? Неужели теперь этому учат в школах, и я ошибался, назвав мир гнилой клоакой?

– Не знаю насчет школ, но в приюте святой Агнессы нам рассказывали об этом, – сказала девушка. – Один из преподавателей богословия расширил программу обучения, благодаря чему мы узнали немного о семнадцати иерархах Ада.

– О семнадцати? Уверяю вас, их куда больше[5], – рассмеялся Элигос, но девушка не улыбнулась в ответ, а тихо вздохнула. – Теперь понимаю. Он не успел вам рассказать об оставшихся. Печально, что знания душатся жирной рукой мнимой праведности.

– Его уволили, посчитав, что рассказывать девочкам о де-

---

[5] Согласно гримуару «Малый ключ царя Соломона», было 72 духа, в многочисленных верованиях им отводилась роль верховных иерархов Ада.

монах в приюте, носящем имя святой, глупо. Но я нашла в библиотеке его книги и прочла их.

– Похвальное рвение, – хмыкнул Элигос. – И опасное знание.

– Это всего лишь старая еврейская сказка, – улыбнулась она, смотря в окно мечтательным серым взглядом. – О царе Соломоне, о кувшине, куда он заключил демонов и запечатал кувшин своей печатью[6].

– В каждой сказке есть крупица истины, – сверкнул глазами Элигос.

– Я не верю в сказки, – сказала девушка. – В шестнадцать лет перестаешь в них верить.

– Но они верят в вас…

– Виктория. Но я предпочитаю Вики, – покраснела девушка, когда её попутчик сделал паузу и внимательно посмотрел на нее.

– Очень приятно, Виктория, – ответил Элигос, проигнорировав сокращенную форму имени. – У вас очень красивое имя. Не стоит портить его неуместными сокращениями.

---

[6] По легенде, царь Соломон заключил в Медный Кувшин 72 демона, запечатал его секретной печатью и бросил в глубокое озеро. Однако вавилонские жрецы достали сосуд и распечатали его (легенда говорит, что в поисках сокровищ), выпустив «демонов» обратно, однако они не забыли создать 72 великие печати, каждая из которых имела власть над соответствующим «демоном». Им пришлось это сделать, поскольку Великая Печать Соломона была утеряна, и не было возможности совместного управления духами кувшина. Считается, что 72 Великие Печати были вверены соответствующим Хранителям, на плечи которых легла обязанность следить за устойчивостью мира.

– Это мой выбор, Элигос. Вам ли, как демону, этого не знать, – улыбнулась она и рассеянно осмотрела мужчину с головы до ног. – Вы в Пршибрам по работе?

– Отчасти. Так же хочу посмотреть достопримечательности, но боюсь потеряться, – ответил Элигос, доставая из кармана карту. – Здесь все так запутанно.

– Если хотите, я провожу вас в центр города, когда мы приедем.

– С удовольствием, Виктория. Буду благодарен вам за помощь.

– Не стоит, – улыбнулась Виктория и покачала головой. – Но вы все равно странный.

– Все странности не случайны, Виктория. Каждая странность несет в себе послание.

– И какое послание несет ваша странность? – спросила она. – Кроме небольшой мании величия.

– Возможно то, что не все еврейские сказки – это сказки, – ответил Элигос, закуривая сигарету.

– Возможно. Не каждый день едешь в одном купе с верховным иерархом Ада, – рассмеялась Виктория. – Но знаете, лучше уж демон, чем пьяные попутчики.

– Охотно верю. Пьяные люди омерзительны, как прокисшее молоко, – кивнул мужчина и нажал на серую кнопку, сбоку от столика. Он дождался, когда откроется дверь в купе, и улыбнулся вошедшему проводнику. – Мы решили отпраздновать знакомство парой стаканов чая, Луиза.

– Ой, – сконфуженно хмыкнула Виктория, когда её живот издал переливчатую трель голодного зверька. – Простите.

– И чем-нибудь сладким, – вставил Элигос, доставая бумажник. – Конфеты, печенье. Скажите, а готовят ли у вас кунафу[7]?

– Сожалею, но скорее всего, нет, – покачала головой девушка. – Я первый раз слышу о таком.

– Жаль. Очень жаль, – вздохнул Элигос. – Дивный арамейский десерт, которого я не пробовал уже тысячу лет. В таком случае нам что-нибудь к чаю.

– У меня нет денег, – буркнула Виктория, но Элигос поднял ладонь, перебивая её.

– Вас никто не спрашивал, Виктория. Чай и сладости, пожалуйста, – ответил он, протягивая Луизе пару купюр. – Сдачи не надо. Мне некуда её складывать, а превращаться в кувшин-копилку я не хочу. Иначе буду звенеть, как мой брат Пурсон[8]. Он, видите ли, очень любит все блестящее и металлическое.

– Сейчас все сделаем, – улыбнулась та, выходя из купе.

---

[7] Кунафу – ароматная выпечка с сырной начинкой, пропитанная сладким сиропом и посыпанная тертым миндалем и фисташками. Популярный десерт в восточных странах.

[8] Пурсон – двадцатый дух, командующий 22 легионами. Он знает сокровенное, может найти сокровища и провидит прошлое, настоящее и будущее. Принимая человеческое или воздушное тела он может поведать о всех тайных и божественных вещах на земле и о создании мира. Пурсон изображается как человек с головой льва, сидящий верхом на медведе и держащий в руке свирепую гадюку (или горн). Перед его появлением можно услышать множество трубящих горнов.

– Цените момент, юная леди. Никто не знает, когда еще доведется попробовать сладости, зная то, что следующие сотни лет ты проведешь там, где сладостей нет, – сказал мужчина, выпуская в воздух аккуратное колечко из дыма.

Через двадцать минут, когда чай в пластиковых стаканчиках остыл, а количество конфет и сладкой выпечки уменьшилось, Элигос вновь посмотрел на часы. Вики, осоловев от съеденного и выпитого, мирно дремала, прижавшись головой к стеклу. Она слабо улыбалась во сне, но потом вздрогнула и покраснела, наткнувшись на внимательный взгляд черных глаз, смотрящих на неё с легкой смешинкой.

– Минус сладкого в том, что от него тянет спать, – рассудительно сказал Элигос, разворачивая конфету и засовывая её в рот. – Попробуйте эти конфеты, Виктория. Прелестная сладость, не приторная и слегка кисловатая. И раз мы разделили чай и сладости, я предлагаю перейти на «ты».

– Если я съем еще одну конфету, то лопну, – честно ответила Вики и хмыкнула, когда её попутчик снова посмотрел на часы. – Почему ты так пристально следишь за временем?

– Время ценно, Виктория. А я не привык тратить его просто так. Хотя признаю, что эта дивная повозка сэкономила мне много драгоценных минут.

– Значит, не только достопримечательности тебя интересуют? – тихо спросила Вики.

– Скажем так. Они тоже важны, но не так, как первоначальная цель. Ты будешь эти конфеты?

– Нет.

– О, дивный вкус. Прелестнейшая сладость. Если во Вселенной и есть невероятные сладкоежки, то демоны являются главными, – улыбнулся Элигос.

– В Аду нет сладостей? – ехидно спросила Виктория.

– Есть. Другие сладости. Сладость чужой боли. Сладость чужого страха. Сладость чужих слез. Но сладости для желудка нет, – серьезно ответил мужчина. – Грани размыты, а границ и вовсе нет. Как нет и конфет. Я тысячу лет ждал, чтобы отправиться сюда и вновь вкусить кунафу, но оказалось, что о нем никто не знает. И это расстраивает.

– Наверняка в Праге есть рестораны, где это кунафу готовят, – пожала плечами Вики. – Ты так лестно о нем отзываешься, что мне тоже захотелось его попробовать.

– Если доведется побывать в Праге и найти повара, который умеет готовить кунафу, то я обязательно тебя угощу, – сверкнул улыбкой демон, а потом вопросительно посмотрел на Викторию, которая вздохнула и, наморщив лоб, потерла виски пальцами. – Я обидел тебя?

– Нет. Я не вернусь в Прагу.

– Опрометчивое заявление. Человечество склонно гулять само по себе, как кошки.

– Я серьезно, Элигос. Назад мне путь закрыт, – она замолчала, когда увидела на лице Элигоса что-то, похожее на сочувствие.

– Понимаю тебя, Виктория. Мне тоже закрыт путь назад,

и это меня не радует, хоть я и смирился давным-давно. Тебе тоже нужно смириться с этим. Уверен, что первый шаг ты уже сделала, когда купила себе билет до Пршибрама.

– Я еду искать родителей, Элигос, а не на работу или отдых.

– Не в монастырь святой Агнессы?

– Да. В него меня отдали совсем маленькой. А сейчас… Сейчас я хочу найти их и спросить, почему они сделали это! – в глазах Вики блеснули слезы.

– Ох уж эти родители, – буркнул Элигос, посмотрев в окно на бирюзовое небо. – Их решения всегда непонятны детям.

– Поэтому я и хочу задать им вопрос, – ответила она, сминая из фантика аккуратный шарик. Вместо ответа Элигос наклонился к ней и пристально посмотрел в глаза. Вики резко вытерла одинокую слезу в уголке глаза и горько усмехнулась. – Что ты делаешь?

– Заглядываю в твою душу, – тихо ответил Элигос.

– У тебя глаза не черные, а темно-красные. Это линзы? Хотя, не отвечай. Ясно же что линзы. Таких глаз не бывает, – сказала она и поежилась. – Хм. Странное ощущение. Но ты не пугаешь, как остальные люди. И мне кажется, что ты порой, правда, смотришь внутрь меня. Ну… в душу. И почему я тебе все это рассказываю?

– Мало кто может сопротивляться моему обаянию, юная леди. И слова сами выскакивают из людей, как бусины падают на пол, соскочив с порванной нитки, – задумчиво хмык-

нул демон, откидываясь назад. – Человеческие души весьма забавны. В них много чего можно увидеть. Хорошего и… плохого.

– Ты правда считаешь себя демоном?

– Я и есть демон, Виктория. Человечество настолько погрязло во лжи, что теперь любое заявление приравнивается к вранью?

– Такое заявление приравнивается, – улыбнулась она. – И у тебя правда есть конь?

– Есть.

– Крылатый?

– Крылатый. Ад слишком большой, чтобы путешествовать по нему на обычной лошади, – снисходительно пояснил демон, засовывая в рот еще одну конфету. – А с высоты видно куда больше, чем с земли. Обычное удобство, в котором нет ничего необычного.

– А легионы? – замялась Вики. – Я читала, что у каждого демона есть легионы демонов поменьше.

– У меня тоже есть. Шестьдесят легионов, – лениво кивнул он. – Они наблюдают за грешниками, а потом докладывают мне об увиденном. Но здесь, на Земле, я вынужден обходиться без них. Моя миссия весьма деликатна, чтобы поручать наблюдение им. Поэтому приходится самостоятельно заглядывать в человеческие души. В твою, например.

– И что ты увидел?

– Ничего.

– Ничего хорошего?

– Ничего плохого, Виктория. И это удивляет меня куда больше, – серьезно ответил он.

– Значит, мы не зря нашли друг друга, как ты и говорил. Ты странный, я странная.

– Это меня и удивляет, – сказал Элигос, а Вики вздрогнула, когда поезд дал гудок и за окном появилась платформа конечной станции.

Глава вторая

«Don't ask why,
Don't be sad,
Sometimes we all,
Must alter paths we planned.
Only try understand,
I want to save you,
From the lost and damned».

Kamelot – Lost And Damned

Вокзал был маленьким, двухэтажным строением, вытянутым и украшенным красным кирпичом и желтой штукатуркой. На небольших лавочках, стоящих вдоль стен, сидели редкие люди, которые радостно улыбались и подходили к некоторым из пассажиров, сошедших с поезда.

Они перехватывали тяжелые сумки, взваливали себе на плечи увесистые рюкзаки и связанные бечевкой пакеты, после чего исчезали в стеклянных дверях вокзала. Каждого из пассажиров встречали, даже нервного мужичка с дипломатом, который вздрогнул, поймав на себе насмешливый взгляд Элигоса, и поспешил спрятаться за спинами крепких парней. А спустя десять минут на пустом перроне остался только Элигос и Виктория, которая поправила рюкзак за

спиной и, вздохнув, посмотрела на своего спутника.

– Почему он так затрясся, когда тебя увидел? – спросила она и пояснила: – Ну, тот мужичок неприятный в сером костюме и с дипломатом в руках.

– Правда глаза колет, – улыбнулся Элигос, вдыхая полной грудью прохладный воздух. – Ох уж этот запах поездов. Я готов изменить ему со вкусом конфет, Виктория.

– Быстро же ты изменил мнение, – сказала девушка. – Мы идем? Не только тебе время ценно.

– Идем, Виктория, – блеснул глазами мужчина и направился следом за Викторией к стеклянным дверям. – Время ценно. Не будем тратить его на соблазняющие ароматы свободы.

Пршибрам был небольшим городком на каких-то тридцать тысяч жителей, и в нем царило странное сонное настроение, вылившееся в то, что Виктория, не успев выйти из вокзала, начала зевать. Чистый воздух, в котором витали ароматы далекого леса, быстрой речки, на которой стоял город, заставлял голову кружиться, а сердце биться с утроенной скоростью. А маленькие домики, словно сошедшие из сказки, мирно соседствовали со строгими многоэтажками и современными бизнес-центрами. Но, несмотря на буйство стилей, Пршибрам оставался городком маленьким и сонным, что подтвердила Виктория, когда Элигос сделал ей замечание по поводу зевков.

– Здесь всегда так, – улыбнулась она, идя по выложенной

брусчаткой дороге, ведущей от вокзала. – Стоит приехать сюда, и жизнь будто замирает. Время начинает течь медленно и неторопливо. И постоянно хочется спать.

– Это я вижу. Ты так широко зеваешь, что скоро вывихнешь челюсть, – ответил Элигос, мрачно изучая старинный костел, расположившийся справа от них. – Далеко до центра?

– Ты уже в центре, – рассмеялась Виктория. – Пять минут с вокзала, и центр.

– Да? – нахмурился демон, доставая карту. – И правда. Так и написано, что центр города. А справа от нас, значит, костел святого Иакова.

– А демонам разве можно называть имена святых?

– Не говори глупости, Виктория. Ты казалась мне начитанной и умной, хоть и весьма юной леди, – резко ответил Элигос. – Конечно, можно. Теперь я вижу, что ты подразумевала под словом «сказки». Львиная доля правды оказалась приправлена жирным и густым соусом глупых суеверий. Я даже могу войти туда, если мне приспичит.

– И не оплавишься? – поинтересовалась Вики, слабо улыбнувшись.

– Не оплавлюсь, – кивнул Элигос, после чего усмехнулся. – Не имею привычки лгать, даже если мне задают слишком саркастичные вопросы. Раз ты здесь уже бывала, то я обязан попросить тебя устроить мне экскурсию.

– Элигос, у меня свои дела. Мы договаривались, что я про-

вожу тебя до центра, – тихо ответила Виктория. – Это и есть центр города.

– Всегда можно поменять условия сделки, – улыбнулся демон. – Мне кажется, что тебе не обойтись без моей помощи.

– С чего такая уверенность? – нахмурилась она и, остановившись, внимательно посмотрела на Элигоса. Тот пожал плечами и состроил невинную гримасу.

– Тебе шестнадцать лет, Виктория. Как ты намереваешься войти в приют и попросить сведения о своих родителях?

– Черт. Ты прав, – вздохнула девушка и присела на край бордюра. – Об этом я не подумала.

– Это я и имел в виду, когда говорил о том, что всегда можно поменять условия сделки. Скажем так, я помогу тебе достать сведения, а ты покажешь мне город. Иначе мое путешествие затянется, покуда я разбираюсь с этой малопонятной картой, – ответил Элигос, но нарвался на слишком красноречивый взгляд Вики. – О, ясно. Тебя гложет червь сомнений, Виктория. С чего бы обеспеченному и красивому мужчине, которого ты совсем не знаешь, набиваться к тебе в провожатые. Ответ был дан в поезде. Ты странная, а я не могу пропускать такие странности. И разве ты сама не хотела меня попросить о помощи?

– Как ты узнал? – выпалила она, заставив демона мягко рассмеяться.

– Я же демон. А ты – плохая актриса. Ты изначально хотела попросить меня выступить в качестве твоего провожа-

того, но не знала, как сказать об этом, а когда я сам об этом намекнул, почуяла неладное. На самом деле все чисто и прозрачно. Поверь, подводных камней в нашей сделке нет. Демоны очень серьезно относятся ко всяческим договорам. Покажи мне город, а я помогу тебе достать сведения о твоих родителях.

– Я согласна, – без промедления ответила Виктория и покраснела, когда живот в очередной раз выдал голодную руладу. Демон вздохнул и покачал головой.

– На пустой желудок дела не делаются, Виктория. Ты хотела разжалобить владык приюта, упав в голодный обморок? Ответь, здесь есть приличная харчевня[9], где подают не только сладости, но и горячую похлебку?

– Да, было такое место, – кивнула девушка, поправляя рюкзак. – Однажды нас водил туда брат Лукаш, когда мы были маленькими.

– В таком случае, не будем терять время. Мы и так потратили его на всякие глупости, – улыбнулся Элигос и направился за Викторией. – Веди нас скорее туда, где жарятся и пекутся изысканные яства.

– Это не похоже на харчевню, – нахмурился Элигос, рассматривая пластмассовые столики и стулья зеленого цвета. За столиками сидели обычные люди – взрослые и юные, офисные клерки и школьники, студенты и безработные. Они с наслаждением хрустели картофелем фри, потягивали гази-

---

[9] Харчевня – закусочная с простыми и недорогими блюдами.

ровку из больших стаканов и ждали, когда улыбчивые официанты принесут их основной заказ. Демон повернулся к улыбающейся Виктории и поднял вверх бровь. – Ты меня обманула?

– Мир меняется, Элигос, – ответила девушка, занимая свободный стол. Элигос задумчиво кивнул и присел рядом, опасливо косясь на гомонящих детей, расположившихся неподалеку от их столика. – Раньше тут была, как ты выразился, харчевня, а теперь фаст-фуд.

– Это слово мне незнакомо, а запахи слишком резки и не очень приятны, – буркнул демон, внимательно осматривая посетителей. – Но люди кажутся довольными.

– Посиди пока, а я сделаю заказ. Ты платишь? – спросила Виктория. Элигос кивнул и, достав бумажник, выудил из него пару купюр, которые протянул девушке. Та рассмеялась и вернула одну купюру обратно. – Одной достаточно. Я быстро.

– Надеюсь, – ответил он мрачно. – Здесь очень много маленьких людей. Они слишком непредсказуемы.

Когда Виктория ушла внутрь закусочной, Элигос вздохнул и, достав портсигар, закурил сигарету, после чего выпустил в воздух струю сизого дыма и блаженно улыбнулся. Но его наслаждению сигаретой помешали грубым образом, резко хлопнув по плечу.

Развернувшись, демон увидел неопрятную женщину, которая держала на руках упитанного ребенка, который мусо-

лил во рту мокрую сосиску. Глаза женщины буквально метали молнии, а грудь взволнованно вздымалась, когда Элигос, хмыкнув, сделал еще одну затяжку.

– Здесь нельзя курить! – рявкнула она, привлекая внимание остальных посетителей. Ребенок на её руках что-то согласно пробурчал и, чихнув, обдал Элигоса смесью пережеванной сосиски и своих слюней, но женщину это не остановило. – Здесь дети!

– Я вижу, – коротко ответил демон, доставая из кармана платок и вытирая им лицо. – Держите своего маленького человека подальше от меня.

– Что? Да как вы смеете?! Хам! – женщина почти перешла на ультразвук, из-за чего Элигос поморщился и пересел на другой стул. – Дети вынуждены дышать этой гадостью! Вы в курсе, что курить здесь запрещено?

– Нет. Меня не просветили насчет этого, – улыбнулся демон, продолжая неспешно покуривать сигарету. Он указал пальцем на пепельницу, стоящую на столе, и многозначительно хмыкнул. – Раз эта вещь, полная окурков, стоит здесь, значит, правило придумали вы?

– Какая разница? – раздраженно ответила женщина. – Рядом с детьми нельзя курить! Это вредно.

– Не вреднее того, что ест ваш маленький человек. Поверьте, шанс умереть от этого гораздо выше, чем от дыма моей сигареты, – ответил Элигос, стряхивая пепел в пепельницу. – Судя по огрызку, который он держит в руках, мяса

в этом блюде нет, а если и есть, то уже переваренное кем-то. Добавим к этому немытые руки мясника, который болен проказой. Руки повара, забывшие о том, что такое вода. И руки этих улыбчивых людей, которые невзначай касаются заказанных блюд. А мой дым безвреден. Он не долетает до вашего стола, а уходит к небу. Если он кому-то и вредит, то только мне и облакам.

– Что? Вы не понимаете…

– Не утомляйте меня своими истеричными криками, – перебил её Элигос, и в голосе демона возник неприятный холодок. – Иначе станется так, что я буду вашим мучителем, когда вы закончите земную жизнь.

– Вы мне угрожаете? – задохнулась от гнева женщина, но Элигос тактично покачал головой и прижал палец к губам. Его глаза мрачно загорелись темно-красным. – Что?

– Вы слишком часто повторяете «что», – сказал он. – А еще слишком часто ищете зло там, где его нет. В нижнем белье вашего мужа, на шее служанки, которая сидит с вашим маленьким человеком, и в зеркале, рядом с которым вы готовы стоять часами, ища это самое зло в складках своего живота. Отсюда вывод – если вы хотите, чтобы зло нашлось, оно обязательно найдется. Гарантирую. С вашим послужным списком еще есть шанс на прощение, но вы так старательно себя его лишаете, что я, пожалуй, ничего не буду делать. Пусть зло победит.

– Элигос. Что здесь происходит? – тихо спросила Викто-

рия, вернувшись к столику и держа в руках поднос с нехитрой едой. Демон улыбнулся в ответ и, демонстративно затушив сигарету, покачал головой.

– Очередной сеанс психоанализа, – ответил он и с улыбкой обратился к женщине. – Сигарета потушена. А теперь позвольте мне насладиться этой странной едой. Как говорили древние, когда путник ест, его даже змея не кусает.

– Простите… я… не знаю, что на меня нашло. Простите, – буркнула женщина и, прижав ребенка к груди, вернулась за свой столик в полном молчании.

– Приятного аппетита, Виктория, – промурлыкал Элигос, не обращая внимания на удивленное лицо девушки. Он развернул гамбургер и осторожно потянул носом. – Пахнет резко и остро. Надеюсь, что съедобно.

– Попробуй, тебе понравится, – улыбнулась Вики, не сводя глаз с притихшей матери, которая лениво ковырялась чипсами в ванночке с соусом и смотрела вдаль.

– Хлеб омерзителен. Он мягкий и мокрый, – сообщил демон, ковыряясь во рту зубочисткой. – Мясо вполне сносно, но эти соусы, они убивают его вкус. Овощи вялые, и, скорее всего, людей обманули торговцы. На вкус как вода. И что люди находят в этих бургерах, Виктория?

– Вкусно, быстро и недорого, – ответила та с набитым ртом. – Не всем же, как тебе, по дорогим ресторанам ездить. Для кого-то и бургер – предел мечтаний. Особенно если ешь круглосуточно одну овсяную кашу. Кстати, ты еще не про-

бовал картошку фри.

– Всему свое время. Для начала нужно, чтобы рецепторы языка очистились от скверны, которой вы зовете соус… – демон замолчал, когда рядом с их столиком замер лохматый мужчина в потертых джинсах, грязной рубашке и дырявых ботинках. Он что-то промычал и положил на столик небольшой карманный календарь с пушистым щенком. Элигос вздохнул и укоризненно посмотрел на незнакомца, который знаками пытался что-то показать и тыкал пальцами в свой рот. – Виктория, что нужно этому человеку? Я не понимаю его фривольных жестов, а мой адский ум трактует их иначе, чем то, что этот человек пытается вложить в знаки.

– Он немой, – тихо ответила девушка и, покопавшись в кармане, вытащила из него несколько монет. – Не хватает. Он милостыню просит, Элигос. Кладет на стол календарик, а ты, если хочешь ему помочь, даешь деньги и забираешь календарик себе.

– Немой? – переспросил демон и, дождавшись кивка, гадко ухмыльнулся, после чего врезал ногой по ноге бродяги, заставив того разразиться трехэтажным матом, а рот Виктории открыться от удивления. Элигос хохотнул и, засунув в рот жареную картошку, покачал головой. – Свершилось чудо! Он снова говорит! Не благодари меня, бродяга. Лучше вознеси молитву нашему Отцу. Не иначе Его рука коснулась твоего грязного рта.

– Элигос… так нельзя, – попыталась было воззвать к со-

вести демона Виктория, но сама рассмеялась, когда бродяга стал поносить её спутника бранными словами.

– Почему? – искренне удивился демон. – Я дал ему голос, а он в ответ возводит на меня хулу, неблагодарный.

– Понятно, что он притворялся, но ты не задумывался, что он этим не от хорошей жизни занимается? – спросила Виктория, проводив ругающегося бродягу взглядом.

– У него две руки, две ноги и голова, которая придумала план обманывать доверчивых дев, которой ты и являешься, Виктория, – ехидно ответил Элигос. – Этого достаточно чтобы честно заработать себе на кусок хлеба, не прибегая ко лжи, которая, на минуточку, является грехом. Зачем мне тогда его жалеть, если это его выбор? Кстати, картошка куда вкуснее этого бургера. Разве что с солью переборщили.

– Интересно, а тебе можно угодить? – в свою очередь спросила Виктория, вытирая губы бумажной салфеткой.

– Можно. Достаточно вести праведный образ жизни и не поливать мясо всякой гадостью, – улыбнулся демон. – Твой живот больше не страдает?

– Нет.

– В таком случае, нам пора. Мне не терпится увидеть приют, в котором заправляют божьи люди.

Приют святой Агнессы оказался милым одноэтажным зданием из старого темно-серого кирпича, украшенного вьющимся плющом, закрывающим большую часть окон. Приют находился на тихой улочке, вдали от суеты серых

многоэтажек и шума, и был огорожен решетчатым забором, а у калитки, рядом с бронзовой табличкой, находилась металлическая кнопка звонка.

Элигос, подойдя ближе, внимательно изучил табличку, на которой было написано, что это действительно приют для девочек, основанный в тысяча девятьсот тринадцатом году, и, хмыкнув, нажал на кнопку звонка. Он повернулся к замершей неподалеку Виктории и поманил её к себе, а когда девушка подошла ближе, спросил:

– Ты боишься?

– Немного, – честно призналась Виктория. Она поправила выбившуюся прядь волос за ухо и улыбнулась. – Здесь прошло мое детство, Элигос.

– Получается, что это дом, который ты когда-то потеряла, – кивнул демон. – Тогда я тебя понимаю. Если бы мне пришлось стоять у врат своего потерянного дома, мне тоже было бы не по себе.

– Я думала, что демоны ничего не боятся.

– Я не говорил о боязни, Виктория. Я говорил, что мне было бы не по себе, – туманно ответил Элигос и улыбнулся, когда к калитке подошла полноватая монахиня в традиционных одеждах клариссинок[10] и, нахмурившись, вопросительно посмотрела на Элигоса. – Добрый день. Почему калитка

---

[10] Клариссинки – женский монашеский орден Римско-католической церкви, тесно связанный духовно и организационно с орденом францисканцев. Орден был основан святой Кларой Ассизской в качестве Второго (женского) ордена францисканцев в 1212 году.

в вашу обитель закрыта? Разве не рады вы двум заблудшим душам?

– Это закрытый приют, – скупо ответила монахиня и прищурилась, когда из-за спины Элигоса вышла Виктория. – Подойди ближе, дитя. Твое лицо кажется мне знакомым.

– Не подходи, – шепнул Элигос, ехидно улыбаясь. – Кто знает, что у неё на уме.

– Меня зовут Виктория, сестра Доминика. Когда-то я жила здесь, – ответила Вики, улыбнувшись демону, закатившему демонстративно глаза.

– Виктория? – переспросила монахиня, и её полное лицо осветила улыбка. – Да, да. Я помню тебя. Не ты ли в детстве опрокинула тарелку супа на сестру Катерину? Да, это ты.

– Удивительная память и удивительно бесполезный разговор, – фыркнул демон, оттесняя в сторону Викторию. – Прошу простить, сестра. Но мы по делу к настоятельнице. Нас интересуют некие бумаги.

– Вы говорите с ней, – кивнула монахиня. – Вы опекун Виктории?

– На время её путешествия в вашу обитель, – поморщился Элигос, тактично увиливая от ответа. – Позвольте представиться, сестра. Эл…

– Элай, – перебила демона Виктория. Тот усмехнулся в ответ, но свое новое имя комментировать не стал. – Матушка, мы можем поговорить внутри? Пожалуйста. Мне нужна

ваша помощь.

– Монастырь закрыт от мужчин, – поджав губы, ответила монахиня. – Но если это ваш опекун, то так тому и быть. Прошу в мой кабинет.

– Спасибо, сестра. Вы так милы, как суровы складки на вашем лице, – мягко сказал Элигос, проходя следом за Викторией.

– Перестань, – шикнула Виктория. Демон, воздев глаза к небесам, усмехнулся и замолчал.

В кабинете матери Доминики царил приятный сумрак, разбавленный светом редких свечей, и пахло книжной пылью. Убранство кабинета было довольно аскетичным, что заставило Элигоса удивиться. Лишним вещам здесь не было места.

Зато место нашлось крепкому столу с лакированной крышкой, протертой в тех местах, куда монахини клали локти, крепкому стулу с жестким седалищем, шкафу со старыми книгами и старенькому компьютеру, который немного портил вид кабинета ненужной современностью.

Монахиня указала рукой на два стула, напротив стола, и, заняв свое место, взяла в руки розарий, после чего обратила взгляд на притихшую Викторию, которая изучала кабинет удивленными глазами. Мать Доминика улыбнулась и, слабо постучав пальцами по столу, привлекла внимание девушки.

– Что привело тебя сюда, дитя? – спросила она, когда завладела вниманием Виктории.

– Матушка, я ищу своих родителей, – без лишних прелюдий ответила она. – Я знаю, что приют святой Агнессы был моим первым домом. Значит, у вас есть сведения о моих родителях.

– Я понимаю тебя, как понимаю и то, что ты хочешь здесь найти, – спустя минуту, ответила монахиня. – Но мы не имеем права сообщать воспитанницам, пусть и бывшим, конфиденциальные сведения.

– Не имеете или не хотите, сестра? – спросил Элигос, закинув ногу на ногу. Глаза демона мрачно отражали свечи, а в воздухе ощутимо запахло угрозой, когда он произнес эти слова совершенно будничным голосом. Монахиня тряхнула головой, прогоняя наваждение, и, сжав четки, вздохнула.

– Не могу. Я, как и все сестры, давала клятву. Для нас, господин Элай, это не просто слова.

– Охотно верю, сестра. Вы, как и все слуги Отца, очень трепетно относитесь к клятвам. Что, однако, не мешает вам их нарушать.

– Простите, я не…

– Я не закончил, сестра, – мягко перебил её Элигос, но лицо демона было очень серьезным. Как и взгляд, который он не сводил с монахини. – Я думаю, что нам нужно поговорить наедине. Виктория, оставь нас, пожалуйста.

– Но…

– Он прав, дитя, – кивнула мать-настоятельница, улыбнувшись девушке. – На заднем дворе еще стоит твоя люби-

мая беседка, увитая плющом.

– Правда? – Виктория всхлипнула и, сжав губы, криво улыбнулась. – Я же так любила там читать.

– Да, я помню. Ты пропадала там каждую свободную минуту и сидела до самой темноты. Возможно, там ты обретешь спокойствие, которого сейчас нет в твоей душе.

– Я скоро приду, – заверил её Элигос и, дождавшись, когда девушка покинет кабинет, встал со стула и подошел к тяжелому бронзовому кресту, стоящему на каминной полке.

Демон внимательно изучил его и, вздохнув, вернулся на стул, после чего повернулся к матери настоятельнице. Он выдержал её оценивающий взгляд, а затем, достав из кармана портсигар, вытащил из него сигарету, но прикуривать её не стал. Лишь поднес к длинному носу и вдохнул аромат табака.

– Прошу меня простить. Здесь слишком пахнет святостью, – криво улыбнулся он, вновь вдыхая запах сигареты. – Этот запах очень сильно напоминает мне об утраченном доме.

– Вы тоже воспитывались в приюте? – спросила монахиня. Демон тихо рассмеялся и покачал головой.

– Отчасти, сестра. У меня был Отец когда-то. Но я разгневал Его, как и мои братья. За это Он лишил нас дома.

– Пути Господни неисповедимы, – ответила монахиня. – То, что он лишил вас дома, еще не значит, что он разлюбил вас.

– О, еще как значит, сестра, – улыбнулся Элигос. – Я знаю,

что вы скажете дальше. «Его любовь все еще жива. Она в ваших сердцах и в ваших душах. Вы – его плоть и кровь. Бла-бла-бла». Это глупость. Любящий отец не лишает своего ребенка дома и своей милости за то, что ребенок выбрал свободу.

– А если это испытание, посланное вам Небесами?

– Тогда я его провалил, – мрачно усмехнулся демон. – Я смирился с этим, хотя обида в моей душе еще жива. И она продолжает расти в моей груди и груди моих братьев. Но я сам выбрал это, как и мои братья. А Виктория… Виктория не выбирала. За неё сделали выбор другие. Те, кто выплюнул её в этот мир, бросил на крыльце вашего приюта и сбежал в ночь, оставив о себе лишь запись в пыльной книге. Как вы думаете, сестра, во что превратится любовь, если её смешать с мыслями о предательстве? Я отвечу. Получится ненависть. Кипящий котел ненависти на месте любящей и чистой души. Время ценно, сестра. А у Виктории этого времени почти что нет.

– Я понимаю, к чему вы клоните, – вздохнула монахиня. – Вы просите меня нарушить клятву, которую я давала. Вы искушаете меня, взяв в качестве оружия невинное дитя. Ваши мысли пропитаны злом, а душа темна, как ночь.

– Я не скрываю этого, – ответил Элигос, убирая сигарету в портсигар. – Но это моя душа и мой выбор. А вы готовы взять ответственность за чужую душу? Готовы смотреть, как её медленно пожирает черное пламя ненависти? Нет, не го-

товы. Потому что ваша душа тоже далека от света, сестра Доминика. Вы пришли в монастырь с кровоточащим сердцем и грязными руками. Вы протирали колени до крови, стоя на холодном камне и моля о прощении. Но себя вы так и не простили, сестра. Вы думали, что служение Ему! – вскочив со стула, воскликнул Элигос, указав рукой на крест, – очистит вашу душу. Но это не так. Ваши руки до сих пор грязны, а сердце кровоточит. И Он не сможет вам помочь.

– Кто вы? – тихо спросила монахиня, утирая вспотевший лоб дрожащей рукой. Она метнула в сторону черноглазого демона напуганный взгляд и поджала губы, не в силах справиться с их дрожью.

– Помогите Виктории, сестра. В первую очередь, вы давали эту клятву, – жестко ответил Элигос и, слабо улыбнувшись, вернулся на стул. – Помогать тем, кому нужна помощь.

Мать-настоятельница слабо кивнула и, достав из внутреннего шкафчика толстую книгу, углубилась в нее. Затем, не отрывая взгляда, она взяла листок бумаги и написала на нем адрес.

– Возьмите, – безжизненным голосом сказала она, протягивая Элигосу бумагу. – Это адрес родителей Виктории. А теперь покиньте этот дом и никогда сюда не возвращайтесь.

– Вам не стоит бояться меня, сестра. Сейчас я вижу, что в вашей душе есть свет. Он призрачный и слабый. Его может затушить даже легкий взмах черного крыла. Берегите этот свет, сестра. Только простив себя, вы получите долгождан-

ное прощение, – усмехнулся демон и, поклонившись монахине, вышел из кабинета.

Элигос нашел Викторию на заднем дворе, сидящую в каменной беседке, чьи стены покрывал плющ. Девушка была задумчива, а увидев демона, слабо ему улыбнулась и похлопала рукой по отполированным до блеска деревянным сиденьям. Элигос хмыкнул и, достав из кармана портсигар, закурил сигарету, после чего присел рядом и протянул Виктории клочок бумаги, на котором дрожащей рукой монахини был написан адрес одного дома в Праге.

– У тебя получилось, – больше констатировала, чем спросила, сказала Виктория. – Я думала, что ничего не выйдет. Матушка Доминика всегда была жесткой женщиной, которая превыше всего ставила клятвы.

– Она человек, как и ты. А людям свойственно нарушать клятвы. Но поверь мне, твоя дражайшая мать Доминика не нарушила никаких клятв, – ответил Элигос, выпуская под крышу беседки колечко.

– Получается, что она солгала?

– Нет. Она верит, что это была клятва, но это простое обещание, данное ей другому человеку, – сказал демон, проводя рукой по старому прохладному камню. – И она поступила правильно, чему я удивлен.

– Почему?

– Когда свет в душе разбавляется тьмой, он никогда не станет прежним светом – чистым и ослепляющим. Он будет

серым и тусклым. Но в её душе я увидел этот свет. Чистый свет, – вздохнул Элигос, массируя виски пальцами. – Он слабый, но он есть. Словно когда-то потерянное решило вернуться.

– Знаешь, Элигос. Ты не перестаешь удивлять, – рассмеялась Виктория, заставив улыбнуться и мужчину.

– Все-то ты знаешь, – усмехнулся он и нахмурил брови. – Так, если ты насиделась тут, то нам пора. У меня в горле першит от святости этого места.

– Но ты свою часть сделки выполнил, – грустно вздохнула девушка. – Я помню о своем обещании. Я покажу тебе достопримечательности Пршибрама, а утром уеду в Прагу.

– Достопримечательности? – удивился Элигос. – Лица твоих родителей будут поинтереснее достопримечательностей, юная леди. Думаешь, я соглашусь пропустить удивительную смесь лицемерных улыбок, бегающих глаз и застрявших в горле слов?

– Ты меняешь условия сделки?

– Вношу незначительные коррективы, – улыбнулся демон.

– Ты странный, Элигос, – тихо сказала Виктория, сжав руку удивленного демона. – Но я рада твоему присутствию.

– Ох, избавь меня от слез, пожалуйста, – резко воскликнул Элигос, заставив девушку рассмеяться. – Я готов съесть десять отвратительных жирных бургеров, только бы ты не смотрела на меня блестящими глазами, Виктория. Пошли. Я сыт этим городом и заявляю, что он омерзителен.

Глава третья

«You've been a fallen angel,
Ripped out of the sky.
But as your wings grew strong enough.
You left me – behind to die».

L'Ame Immortelle – Fallen Angel

Ночной поезд по-своему прекрасен. И дело не в сопящих попутчиках, которые видят седьмые сны, а в особой атмосфере. Прекрасны фонари, которые проносятся мимо, на миг освещая купе желтым дрожащим светом. Прекрасно запотевшее от дыхания окно, на котором можно нарисовать любую картину, сквозь которую будет видна ночь. Прекрасны долгие разговоры за полночь, когда от стаканов с чаем идет пар, а беседы неспешны и тягучи, словно сироп. В такие моменты люди делятся чем-то сокровенным; своими мечтами, мыслями, прошлым и будущим. Люди на миг становятся людьми, чтобы с восходом солнца снова превратиться во все тех же замученных и грустных существ, которым ночной поезд на миг оголил душу.

– Значит, ты действительно считаешь себя демоном? – в который раз спросила Виктория, заставив Элигоса вздохнуть и посмотреть на неё взглядом умудренного жизнью челове-

ка, которому надоели глупые вопросы.

– Я и есть демон, Виктория. Зачем мне считать себя демоном, если я и есть он? – спросил он, закуривая сигарету и наполняя воздух купе чуть сладковатым, густым дымом.

– Ясно. Спишу это на твои странности, – ответила девушка и сделала аккуратный глоток горячего чая.

– Это не странности, а моя суть, – ответил ей Элигос, весело блеснув глазами. Его забавлял тот факт, что Виктория отказывалась принять его истинную личину. – Я один из семидесяти двух, последовавших за Люцифером[11]. Изгнанник, падший ангел, демон, если тебе так будет понятнее.

– В книгах было сказано, что Люцифер возгордился и в гордыне своей возжелал стать похожим на Бога.

– Чушь. В книгах всегда пишут чушь. Чушь писали и фарисеи в Иудее, и почтенные старцы, сгибаясь под тяжестью лет и похоти, когда за замковыми стенами бились армии двух держав. Правду всегда маскируют чушью, стараясь выставить одну из сторон хуже другой, – фыркнул демон. – С Отцом никто не сможет сравниться. Он – Альфа и Омега, Суть всего, а мы его дети.

– Почему же тогда он изгнал вас из Рая? – спросила Виктория. Демон задумчиво хмыкнул и, выпустив дым, вздохнул.

– Люцифер был первым, кто открыл глаза и посмотрел

---

[11] Одна из версий мифа о Люцифере. Согласно ему, за Люцифером последовали 72 падших ангела, которые потом превратились в верховных иерархов Ада.

иначе на саму суть мироздания. Он открыл и наши глаза, и открыл бы гораздо больше, если бы имел достаточно времени. Он не хотел свергать Отца и не хотел стать похожим на него. Он хотел стать свободным в своем выборе. Сам хотел решать, что ему делать.

– Понимаю. За меня в приюте тоже все решали. Что одеть, куда идти, как жить.

– Вот, – улыбнулся Элигос. – Частичное понимание есть. А мы не хотели жить по чьим-то правилам. Утомляет, знаешь ли, когда у тебя впереди вечность. Вы, люди, назвали это восстанием, а мы всего-то хотели свободы.

– И вы её получили.

– Да, но какой ценой? – воскликнул демон, мотнув головой. – Ценой изгнания, Виктория. Потерять родной дом и стать тем, кого все ненавидят, – не слишком радужная перспектива, согласись.

– Ты хотя бы видел свой дом. И у тебя есть братья, а у меня нет никого.

– Совсем?

– Совсем. В приюте нам… не разрешали с кем-то дружить. Девочки просто ходили бледными тенями по коридорам, молча ели, молча учились, молча спали, лишь изредка перекидываясь друг с другом парой фраз, пока воспитатели не видят.

– Ох уж эти монахини! Всюду пихают свой целибат[12].

---

[12] Целибат – обязательный обет безбрачия для желающих достичь духовного

– Я не про приют святой Агнессы говорю, Элигос, а про другой. В моей жизни было много приютов, но последний – особенный.

– Ты не горишь желанием говорить о нем, – заметил Элигос, сделав глоток чая.

– Поверь, так будет лучше, – вздохнула Виктория. – Пять лет одиночества наедине с собственными мыслями и… а, не важно.

– Нет, важно, – подобрался демон, внимательно смотря на покрасневшую девушку. – Говори.

– Лучше вернемся к разговору о тебе, – улыбнулась она. – Ты странный человек. Прости, демон. Демон, да. Странный демон, ищущий странности.

– Именно. Ты как раз такая странность, – улыбнулся он. – Ладно. Мы вернемся еще к твоему прошлому. Это вопрос времени.

– Почему ты мне помогаешь?

– Мне просто интересно твое путешествие. Оно, видишь ли, частично пересекается с моим, а путешествовать в компании куда веселее. Плюс у тебя нет денег.

– Зато у тебя они есть, и ты ими соришь, как конфетными фантиками.

– Виктория. Не напоминай про сладкое. Двадцать первая конфета была лишней, – поморщился Элигос. – Теперь даже черный кофе без сахара сладкий как сироп.

просветления.

– Но откуда у тебя деньги? Столько денег.

– Деньги – часть вашего мира. Вы слишком их любите и слишком ненавидите, но без них теряется смысл вашего существования. Я же демон, Виктория. Мне не нужно сидеть в офисе целый день, чтобы получить пару грязных и влажных бумажечек. Да, пока ты заказывала те омерзительные бургеры, я слушал разговоры других людей. Они сидят в офисе, чтобы получить деньги. Вместо этого я щелкну пальцами, и мой кошелек пополнится. Маленькое преимущество демона перед жалкими людишками.

– Понятно, – рассмеялась девушка. – Я думаю, что многие бы променяли свой родной дом на возможность щелкать пальцами и наполнять кошелек.

– Люди, да. И не только дом, но и душу. Но не падшие, – фыркнул демон. – Мы презираем материальные блага, но отдаем им должное. К примеру, черному кофе. И я сейчас не о той омерзительной жиже, которую подают здесь.

– И где же был самый идеальный кофе? – саркастично спросила Виктория.

– В Иудее, – коротко ответил Элигос.

– Эм… ты хотел сказать в Израиле?

– Нет, я хотел сказать в Иудее. Тысячу лет назад.

– Это объясняет твое странное поведение и удивление поездам и машинам. Частично, – кивнула девушка.

– Частично, – демон сделал акцент на этом слове и улыбнулся. – Лучший кофе, что я пробовал, был в Иудее. Тот

толстый брадобрей, который дал мне приют, приготовил этот дивный напиток. Отведав его, я на миг вернулся домой, Виктория. Терпкий, горький, горячий. А запах… один запах заставляет мое черное сердце биться в экстазе и желать его вновь.

– У нас это называется зависимость. Кофейная зависимость.

– Увы, человечество создало много запретных удовольствий, к которым быстро привыкаешь, а отвыкнуть невозможно, – кивнул Элигос. – И кофе – одно из них.

– Тогда тебе надо заказывать кофе в кофейнях, а не в поездах. Тут подают растворимый, а судя по твоим восторженным словам, ты пил настоящий, вареный кофе.

– Возможно. Я предпочитаю наслаждаться готовым продуктом, а не узнавать, как его готовят, – усмехнулся демон. Виктория улыбнулась и, вспомнив о чем-то, грустно вздохнула, что не ускользнуло от внимания её попутчика. – Примерно через час мы прибудем в Прагу, но я не вижу на твоем лице радости. Такое лицо было у ворот приюта, и такое же сейчас. В чем дело, Виктория? Ты боишься?

– Боюсь. Боюсь, что не найду слов, когда увижу их.

– Глупости. Найдешь. Впусти в свое сердце ярость, а когда она закипит, вылей её на их ничего не понимающие физиономии, – ехидно ответил Элигос.

– Я не держу на них обиды, Элигос, – ответила девушка, заставив демона удивленно хмыкнуть.

– Вообще? – уточнил он. – И не желаешь накричать на них, обругать их бранными словами, облить их циничным кипятком своих упреков?

– Вообще. Это мои родители. Если они отдали меня в приют, значит, что-то случилось. И я хочу узнать, почему они это сделали, а не обругать их. Я смирилась со своей жизнью и хочу лишь получить ответы на вопросы, которые терзали меня все это время.

– Ох, люди, вы такие мягкие, когда это совсем не к месту, – покачал головой Элигос. – Авраам тоже колебался, когда занес нож над Исааком. Хотя, казалось бы, что может быть проще?

– Я не хочу заносить над ними нож, Элигос. Я хочу ответ на вопрос.

– Это я уже слышал.

– Мне кажется, что в тебе нет ненависти к своим родителям.

– Почему же? – рассмеялся Элигос. – Ты знаешь меня только два дня, а уже читаешь, как открытую книгу?

– Нет. Когда говоришь об отце, ты говоришь без ненависти. Но с обидой.

– Конечно с обидой. Изгнать меня и братьев за то, что я хотел свободы, – это очень обидно. Но в чем-то ты права, Виктория. Ненависть – это человеческое изобретение, как и деньги. Ни ангелы, ни демоны ей не подвержены. Ненависть – дочь свободы. Свобода – вообще очень продуктивная

мать, знаешь ли. И это далеко не самый худший её ребенок. Хоть и уродливый.

– Я думала, что демоны уродливы.

– Очередная глупость из глупых книг, – отмахнулся демон. – Не всему стоит верить слепо, юная леди.

– Но в фильмах и книгах демоны всегда изображались уродливыми.

– Так людям проще проводить сравнение добра и зла, – вздохнул Элигос, доставая портсигар. – В вашем воображении зло всегда черное и уродливое, а добро белое и пушистое, как тот щенок с картинки, которую ты умыкнула у мнимого немого.

– Я не умыкнула, а оставила за нее деньги на столе, – покраснела Виктория, вызвав у Элигоса смешок.

– Даже так? Хм. Ладно, вернемся к вашим человеческим глупостям. Почему демоны должны быть уродливы, если они когда-то были ангелами?[13] Ах, да. Понимаю. Отец разгневался на нас и изменил наш лик, так?

– Ага.

– Опять же, миф. И довольно глупый. Нас изгнали, а не облили кипятком, как каменотес Левей своего сына, когда тот забавлялся с козой в кустах. Но изменения были, хоть и незначительные. Видишь ли, мы стали показательным примером того, что случится с ангелом, если он решит задумать-

---

[13] Еще одна альтернативная версия мифа о Люцифере, согласно которому лица падших не были изменены, но в них проявились черты непокорности и злобы.

ся о свободе. Наши лики остались прекрасными, как ты сама можешь видеть, – Элигос улыбнулся и указал пальцем на свое лицо, заставив Викторию в очередной раз покраснеть. – Но со временем в них появилось нечто другое. В голосе, в чертах лица, в движениях.

– Злое?

– Можно сказать и так, – уклончиво ответил Элигос. – Но никаких щупалец, трех пастей, гадючих рук и скорпионьих ног у нас нет.

– Даже у… – Виктория замялась, не решаясь озвучить имя.

– Люцифера? – уточнил демон. – Да, даже у него. Единственное изменение было в том, что наши крылья почернели, словно из них откачали Божественный свет. Но бесы и прочие кошмары идеально подходят под то, что люди выдумали. Тут вам и пасти, и ужасные морды, и ядовитая слюна. Людская фантазия что только не придумает.

– И все они обитают в Аду? Ну, бесы и кошмары.

– Да.

– Какой он?

– Ад? – усмехнулся Элигос и добавил более строго: – Ад уникальный, юная леди. Он соткан из грехов, как человеческая одежда из нитей. Но говорить о нем я не хочу. Все-таки это мой дом. Новый дом.

– Хорошо, прости, Элигос, – зевнула Виктория и, свернувшись калачиком на сиденье, закрыла глаза. – Я вздремну

немного. Ты тоже можешь вздремнуть.

– Я никогда не сплю, – рассмеялся демон. – Где еще встретишь такого невежественного человека, м? Ладно. Спи, Виктория. Я разбужу тебя, когда мы приедем.

– Спокойной ночи, Элигос.

– И тебе, Виктория, – улыбнулся он, смотря на мирно посапывающую девушку, которая слабо улыбалась лишь одной ей понятным мыслям и образам.

Виктория проснулась, когда в окно вагона пробился первый солнечный луч и метко ужалил её в левый глаз. Девушка зевнула, потянулась и, задрожав, нехотя разлепила глаза. Элигос, как и прежде, сидел напротив неё, углубившись в глянцевый журнал, который отложил, услышав, что его спутница проснулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.